

ДОБРОЕ СЛОВО К ЦАРЕЛЮБИВОМУ РУССКОМУ НАРОДУ

„Господи, Ты исправь растленные нравы наши, и научи нас всех славить Тебя, Отца нашего небесного, праведною жизнью“.
(Прот. Иоанн Сергеев Кронштадтский).

(С. 465) Православные, истинные сыны Святой Руси! К вам мое слово.

Без сомнения, в настоящее время тяжелую годину переживает наше отечество. По грехам нашим Господь наслал на нас врагов „зверонравных и жестоковыйных“, которые, вопреки международным законам, вероломно напали на землю русскую и причинили нам некоторые потери. Наш великий и благочестивый Царь-Батюшка, в искренних и постоянных заботах о благе вверенного ему Богом народа и о сохранении мира со всеми, сделал, со своей стороны, все возможные уступки, чтобы только отвратить ужасы и бедствия войны, но совершенно напрасно. Злобный враг желал воевать, желал драться и потому, не взирая ни на какие уступки и не дожидаясь даже окончания переговоров, напал на нас и открыл военные действия. Разумеется, мы должны были защищаться, и, хотя миролюбивому сердцу Государя тяжело было начать войну, однако забота о своем государстве и долг Царский требовали дать отпор дерзкому врагу. Неужели же, как некоторые неразумные люди полагают, нам нужно было сложа руки смотреть, как японец пришел бы в нашу Сибирь, опустошил бы ее, перебил бы мирных жителей, уничтожил бы их имущество, многих увел бы с собой, а потом, воцарившись в Сибири, стал бы хозяйничать в ней, может (с. 466) быть, надругался над верой православной и, пожалуй, дерзко помышлял бы идти завоевывать и самую первопрестольную матушку — Москву!

Нет, никогда! Мы не должны ни одной пяди земли православной отдавать в руки язычника, который, разумеется, стал бы враждебно относиться к господствующей в земле Русской вере Христовой. Наоборот, мы должны были сплотиться все воедино вокруг нашего Самодержавного Царя и всеми имеющимися у нас средствами помогать ему защищать наше отечество. И честь, и слава многим, многим сынам — истинным гражданам православного царства российского, которые действительно оказались на высоте своего положения и по

данной пред Св. Крестом и Евангелием присяге честно принялись служить Царю и отечеству. Сотни тысяч наших дорогих солдатиков оставили свои мирные занятия, своих жен и детей и грудью пошли отстаивать наше спокойствие и благосостояние. Также сотни тысяч оставшихся здесь во главе с Матушками-Царицами спешат помочь, кто чем может, доблестным защитникам нашего отечества и делают этим великое и святое дело, за которое всем им воздаст Господь наш Иисус Христос сторицею.

Но, православные, кровью сердце обливается, когда вспомнишь, что кроме упомянутых истинных сынов нашего отечества есть еще небольшая кучка отщепенцев, смутьянов, крамольников, бунтовщиков, внутренних врагов наших, которым ничего не дорого, для которых нет ничего святого, у которых нет ни веры, ни отечества, ни Царя, у которых нет даже совести, нет сознания долга исполнить честно свои прямые обязанности, которые не заботятся о своем истинно-христианском образовании и честном труде, но предаются такому дебоширству, которого стыдится всякий протрезвившийся мастеровой, в пьяном виде позволивший себе причинить какую-либо неприятность другому. Вместо того, чтобы и им присоединиться ко всем нам и вместе с нами скорбеть, тужить, тревожиться за христоробивых воинов и молиться горячо Богу о сохранении их от всяких опасностей и смерти, они в разных городах ходят по улицам большими шайками, вооруженные холодным и (с. 467) огнестрельным оружием, пускают его в действие, подвергают опасности мирных жителей, доставляют им беспокойство, неприятности, так что тяжело становится выходить даже на улицу во время их бесчинств, словно дикие японцы пришли в нашу столицу, словно у нас здесь уже идет война! И они толкуют о равенстве и братстве!

Впрочем, им об этом легко толковать! Кто из них нажил своим трудом, самостоятельно капитал и приобрел имущество? Никто, потому что все они живут на шее других людей: общества или своих родителей, которые их обувают, одевают, кормят и которым они так хорошо отплачивают. Неимущему хорошо говорить: „Давай, твое разделим со мной пополам, потому что у тебя есть, а у меня нет, ты трудишься, спину гнешь, а я нет". А, по-моему, брат, вот как ты сперва наживи, а потом и делись пополам со всеми. Один сынок молодой пришел к своей вдове- матери и говорит: „Давай, мать, раздадим наше имение и деньги всем“, а она ему справедливо ответила на это: „Вот когда ты своим трудом наживешь, хоть миллионы раздавай; а то, что нажил своим горбом да трудом твой отец, тем ты подожди распоряжаться".

Это справедливо! Языком-то работать легко! Нет, ты, брат, на деле покажи, оправдай свое искреннее желание помогать ближним. Возьмись-ка за ум, примись поусерднее да почестнее трудиться, а после уж раздавай кому хочешь

щедрой рукой все то, чем Богу угодно будет благословить твой труд. Тогда дело твое будет правое! А как больно для русского сердца видеть беспорядки и забастовки среди рабочего люда, который искони считался православным и славился своею неизменною преданностью Царю, за которого считал великим счастьем сложить свою голову, чему мы и видим в истории много примеров. Я уже не стану говорить, как терзается, конечно, кротчайшее, полное беспредельной любви к народу, сердце Батюшки- Царя: это должен понять каждый по себе; думаю, что не одна горячая слеза скатывается с его царственного лица во время ежедневной пламенной молитвы о благе вверенного ему Богом народа, пусть об этом поразмыслит всякий сам, у кого есть доброе сердце.

Я скажу только какое горе, какую печаль приносят беспорядки и волнения (с. 468) нашим дорогим братьям-солдатам, которые ушли в далекую сторону, чтобы славой покрыть русское имя, имя великого народа, которому вручено Богом хранить веру православную. Что хочется слышать им там, на чужбине? Как вы думаете? Им хочется получить со своей родины, от матушки-Москвы поклоны, получить сведения о том, что все их родные живы, здоровы, помнят их, постоянно молятся за них Богу и стараются помогать им и дать тем возможность скорее и лучше прославить своего Царя и великую Русь! Им хочется слышать, что все, кто здесь еще остался и, кто может, наперед, один перед другим рвутся к ним на войну, рядом с ними сражаться, рядом с ними делить смерть и славу! Вот они чего ждут, вот в чем их утешение!!!

Братцы! Что же мы им даем? Чем мы их утешаем? Больно, больно сердцу сказать, больно даже помыслить! Мы им скорбь одну шлем, мы их сердце терзаем и не только сил не даем, а и те, что в них есть, ослабляем. Ведь слышат же они, что бросаем мы труд, оставляем станки, предаемся бесчинству, расстраиваем наше общее дело и помогаем своему злейшему врагу, который, конечно, радуется всякому несчастью нашему и готов всячески содействовать тому, чтобы смутить наше настроение и привести нас к позорнейшему поступку — изменить своей присяге Царю. Братцы! Неужели среди нас нет уже по духу потомков великих Минина, Пожарского, Сусанина? Неужели среди нас, православных, находится место для изменников и предателей?! Таковым, братцы, не должно быть места не только среди нас, но и где бы то ни было на земле. Все изменники и клятвопреступники оставляют срам, позор и грязное пятно во всяком народе, тем паче им не место среди православных русских. А эти продажные души ходят теперь между нами и, прельщая доверчивых людей всевозможными обещаниями, смущают многих слабохарактерных, которые часто даже не видят расставленной им ловушки. Что эти продажные души

полезного и хорошего могут дать нам, когда они презрели Св. Крест и Евангелие, которое лобызали, отказались от веры, от Царя своего, от самой своей совести?! Они ведь не друзья наши, а враги и враги самые опасные.

Если они презрели (с. 469) все святое для русского сердца, то поверьте, что обмануть вас, сделать вам вред вопреки своим обещаниям для них ничего не значит. Они смутят вас, а сами за углом будут смеяться над вашим добрым сердцем. Припоминается мне здесь один рассказ из истории. Какой-то царь долго не мог взять города. Но вот один городской житель пустил в неприятельский лагерь стрелу с запиской, в которой написал, что он желает оказать царю услугу и сообщает, как царь легко может взять город. Царь действительно по его плану скоро овладел городом. Гнусный изменник радовался и воображал, что отныне он будет в великой милости у царя. Но каково же было его отчаяние и ужас, когда царь приказал поставить виселицу и повесить его на ней вместо того, чтобы наградить его и возвысить в первое достоинство. „За что же?“ — невольно вырвался вопль у изменника. И царь сказал ему: „Ты мне не нужен и для меня опасен; если ты предал в мои руки своих соотечественников, своих ближних, то еще скорее можешь предать и меня“. Вот как надо относиться к таким людям, а не слушать их и отнюдь не делать по-ихнему.

Повторяю еще, что если они потеряли совесть и презрели все святое, то они предадут и вас всех. Они не друзья ваши, а коварные и хитрые, злые враги; они враги всего доброго, жизнь их разнузданная, сердце своевольное, поступки дерзкие и наглые; видеть беспорядки им приятно, причинять убытки — их счастье, истерзать душу, разбить все святое, все дорогое — их блаженство, их жизнь. Добрые ли это люди? Нет.

Мне пришлось недавно разговориться с одним извозчиком, почтенным летами и истинным русским человеком, и вот что сказал он мне: „Ох, какие тяжелые времена пришли! Воистину прогневали мы Бога, обасурманились совсем, Спасителя нашего забыли, в церковь ходить перестали, родителей не почитаем, старших не слушаем, власти не повинuemся, сами хотим властвовать, по своей воли жить, умнее всех стали, а что получается? Получается, что мы восстали друг на друга, брат на брата, православный на православного, русский на русского; там, на войне, хоть по закону дерутся с неприятелем японцем, потому — он неприятель, так, значит, и надо с ним, а тут чего?

(С. 470) Чего еще надо? Ведь они этим приносят только вред солдатам нашим! Эти там часто нужду терпят и лишения, им надо помочь и спешить помочь, чтоб победить — разве можно, чтобы нашего брата победили?! — А они отказываются от работы и задерживают дело, да и хозяевам причиняют убытки,

нам беспокойство, а уж Царю- то нашему Батюшке и сказать нельзя, как горько все это видеть и переносить, его сердечко-то и так, чай, ноет, ноет... Эх, грех, великий грех всем таким... А ведь, чай, злые люди подучают?! И как это, Господи, их только слушают?! Словно туману какого в голову напустили..."

Братцы!!! Прогоним же этот туман от нас, и скорее, и обратимся к Богу, Которого действительно мы забывать стали, чтобы не до конца прогневался Он на нас; принесем искреннее раскаяние во всех дурных поступках наших, чтобы начать новую добрую жизнь в послушании родителям, в почтении к старшим, в повиновении властям, в любви друг к другу. Будем помнить, что Царь Самодержавный есть наместник Божий на земле, что Бог Сам установил власть царскую и вручает скипетр царский кому хочет; Он изливает на Помазанника Своего при Священном Миропомазании обильные дары Духа Святого, Который и помогает Царю во всех делах его, внушает ему все полезное и нужное для блага народа; если бы по человеческому естеству и не мог Царь обнять всех дел в полноте, то „благодать Божия, немощная, врачующая и оскудевающая, восполняющая" содействует ему, научает его, вразумляет, укрепляет.

Будем же верны до последней капли крови Самодержавному Отцу нашему Батюшке-Царю, не станем больше огорчать Его; напротив, всеми силами постараемся помочь ему одержать победу над всеми врагами Его; днем и ночью станем пламенно молиться, чтобы Господь сохранил драгоценную жизнь его на многие, многие годы, чтобы утвердил его царство, даровал ему глубокий и неотъемлемый мир, „да и мы в тишине Его тихое и безмолвное житие проживем во всяком благочестии и чистоте".

Москва, 1905 г.

Доброе слово к царелюбивому русскому народу.— Москва: Изд. дух.-нрав. журнал «Кормчий», 1905, 16 с.

Цит. по: *Еликонида (Кушлик), монахиня. Я всех люблю и о всех скорблю. Житие священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского. 1876–1929. М., 2013. С. 465–470.*